

Константин Михайлович Станюкович

Утро (Из дальнего прошлого)

**Станюкович Константин
Михайлович**

Утро (Из дальнего прошлого)

Константин Михайлович СТАНЮКОВИЧ

УТРО

(Из дальнего прошлого)

Посвящается

Александру Алексеевичу Борисяку

I

Три дня океан бесновался.

Он ревел и вздымал свои громады, которые бешено набрасывались на маленький клипер* "Красавец" и словно хотели его поглотить.

* К л и п е р - трехмачтовый быстроходный военный корабль.

Но "Красавец" под штормовыми парусами и спущенными брам-стеньями* ловко ускользал между волнами. Он взлетал вместе с волной, с нею же падал и снова взлетал на новый вал, заливаемый седыми гребнями.

* Б р а м - с т е н њ г а - брус, служащий продолжением стеньги.

В эти тяжелые дни свирепого шторма не видно было ни солнца, ни неба под быстро несущимися клочковатыми черными облака-

ми.

Мрачно кругом. Жутко было морякам на "Красавце". Не раз в этот шторм приходилось ждать смерти.

Наконец буря стала затихать и стихла.

И в это прелестное раннее утро океан заштилил.

Он был так очарователен и ласков, светло-синий в своей гладкой мертвой зыби, так тихо, нежно и точно жалобно рокотал большими, но обессиленными и ленивыми волнами, так ласково лизал бока клипера, что казалось, океан одумался и раскаивается перед моряками за то, что так напугал их смертью.

А на высоком бирюзовом небе ни облачка. Бездонное и таинственное, оно веет лаской и своею непонятною загадочностью невольно манит к себе вдумчиво-вопрошающие взгляды.

А солнце, только что поднявшееся из-за горизонта, еще алеющего заревом, такое ослепительное, веселое и жгучее, заливающее блеском все вокруг, казалось, говорит соскучившимся по нем морякам: "Вот оно и я. Радуйтесь!"

II

Но это роскошное утро не радовало матросов "Красавца", который, раскачиваясь на зыби, шел под парами, попыхивая дымком из своей белой трубы, узлов по восьми.

На палубе, где шла обычная утренняя "убирка" и чистка, пронеслась весть, что пропала Дианка.

И эта весть смутила матросов и вызвала оживленные толки и предположения.

Встревоженный и испуганный, подходил к матросам приземистый и коренастый пожилой боцман Иванов и задабривающим голосом говорил:

- Братцы! Повинись, кто утопил капитанскую суку. Не сама же она бросилась в море. Дианка была башковатая шельма... Повинись - и шабаш! Отдерут, вот и всего... А не объявится убивец Дианки, командир всех вас вгонит в тоску... Небось знаете, как он был привержен к собаке... Команду обессудит... Вздумает, что против его взбунтовались и присогласились извести Дианку...

Матросы встревоженно соглашались, что дело "табак" и что боцман по совести говорит

насчет тоски для команды. Только маленько "облещивает", будто "отдерут, и всего". Из-за Дианки не меньше как шкуру снимут, как с сидоровой козы.

Но никто не винился. Никто не видел, кто выбросил Дианку. Еще ночью, под утро, рулевые видели, как она выбежала из каюты...

- Не доводи, виноватый, капитана до обезумия... Объявись! - горячо убеждал боцман.

Ни среди матросов, ни среди кочегаров, ни среди вестовых не объявился убийца капитанской собаки.

Тогда боцман нахмурил черные, густые брови, задвигал выдающиеся скулы своего приплюснутого лица, выпучил круглые, как у совы, большие глаза и, внезапно багровея и подпрыгивая ногой, заговорил по-настоящему:

- Так слушай, бесстыжий собачий сын... Слушай, подлюга-раздрайка...

И боцман стал сыпать самые невероятные ругательства, на которые была только способна художественная выдумка всплывшего и негодующего боцмана. Он грозил, что подлеца, из-за которого капитан на всех "обидится",

беспременно разыщут, и уж тогда...

- Тогда, - воскликнул боцман, придумывавший самые жестокие наказания, - тогда будет ему прописана плепорция в триста линьков!.. Отшлифуют до бесчувствия... Вгонят в чихотку... И никакой форменный матрос не пожалеет паршивую Иуду, чтобы ей подавиться Дианкой!..

Боцман выдержал паузу и прибавил:

- Так лучше сей же секунд повинись!

И красноречивые предсказания боцмана, и советы трех старых "правильных" матросов: вспомнить совесть и не поступать против товарищей не поощряли виновного сознаться.

Тогда негодующий боцман решил произвести свое предварительное и скорое дознание.

По общему мнению команды, он "дрался с рассудком и с опаской" и сильная его рука была "легкая". И действительно, боцман не очень серьезно ткнул в лицо нескольких ленивых матросов, имевших некоторое основание питать недобрые чувства к Дианке, и затем допросил слегка подозреваемых.

Не получив признания, боцман пошел допрашивать ненавистного ему продувного ло-

дыря - Елисейку Зябликова.

Этот пригожий молодой матрос из кантонистов лениво оттирал суконкой медный кнехт у борта на юте и, казалось, не обращая внимания на общую подавленность, беззаботно напевал себе под нос какую-то разухабистую песню.

Сильное и, казалось, основательное подозрение, которое внушал Зябликов, в боцмане еще более усилилось при виде этой беззаботности лодыря.

И боцман не сомневался в виновности Зябликова.

Еще бы!

Недаром Зябликов не раз при всех грозился, что придушит Дианку, и боцман не раз видел, с какой жестокостью Зябликов при удобном случае бил капитанскую собаку.

В свою очередь и злопамятная Дианка ненавидела матроса.

Зябликов считался не только последним матросом на клипере, лодырем и трусом в море, но и ненадежным, лживым человеком, хвастуном, дерзким на язык, с которым лучше не связываться.

И матросы сторонились его и слегка побаивались.

Крупный и волосатый, с вздувшимися жилами, просмоленный кулак боцмана особенно сильно лег да красивое и несколько наглое лицо Зябликова.

Он довольно хладнокровно выдержал удар и, отступивши от боцмана, не без наглой в злорадной усмешки, искривившей его крупные губы, спросил:

- Ты это за что?

- Небось знаешь за что, подлец!

- Зря дерешься. Не я подарил Дианку акулы-рыбам.

- Не ты? Кому ж другому, подлецу?

- То-то не я. А по правде скажу: очень даже рад, что нашелся другой матрос. Давно бы Дианку в воду... Недаром сучьего ведомства... Подлей и обманней была самой подлой бабы... Вроде быдто за боцмана бегала, подлая, в палубу и тишком цапала за ноги.

- За то Дианка и цапала тебя, что ты подлый матрос. Понимала тебя. Ты извел животную. Побереги лучше шкуру. Не барабанная. Винись, кантонищина.

- Считаешь себя умным, а зря грозишься. Давно утопил бы Дианку, если бы польстился на такое дело.

- И льстился. Обещал придушить собаку.

- Мало ли что скажешь от игры ума.

- Врешь! Ты утопил Дианку. Не губи людей. Признавайся. Не признаешься, так все равно по совести тебя отлепортую. Всем известно, какой ты арестант.

- А ты еще быдто праведный судья! Так докажи, что я утопил Дианку. Докажи, правильный боцман!

Боцман пришел в ярость.

Чувствуя неодолимую потребность возмущенного чувства сию же минуту истерзать это красивое и словно издевавшееся лицо, он бросился к Зябликову с поднятым кулаком.

Но тот отскочил.

В ту же минуту боцман и матрос увидели старшего офицера, поднимавшегося на мостик.

Тогда Зябликов умышленно громко проговорил притворным обиженным тоном:

- За что безвинно дерешься, боцман! Не очень-то дозволено зверствовать! Старший

офицер не похвалит!

- Ты... ты утопил Дианку. Ты, подлая тварь! - сдавленным уверенным голосом прохрипел боцман.

И, погрозив кулаком, бросил на матроса взгляд, полный злобы и презрения, и пошел вприпрыжку на бак.

Зябликов снова стал оттирать кнехт, но уже больше не напевал и взглядывал на небо и на океан встревоженными глазами.

Беззаботность с его лица вдруг исчезла.

III

После трех почти бессонных суток и после страшного душевного напряжения, пережитого трусливым человеком, который должен был скрывать от людей и опасность клипера, и, главное, свой страх перед смертью, минутами, казалось, неминуемую, - старший офицер сегодня проспал. Он не поднялся, как обыкновенно, с командой и не раздражался, упрекая себя.

Радостный, что он держал себя молодцом в бурю и капитан, кажется, доволен им, что опасность прошла и "Красавец" так хорошо выдержал страшный шторм, - старший офи-

цер чувствовал себя счастливее и жизнерадостнее и, казалось, ощутил всем своим существом всю прелесть роскошного утра, которой прежде не замечал.

Весь в белом, невысокого роста, с длинными расчесанными рыжеватыми бакенбардами, обрамляющими широкое и скуластое загорелое лицо, несколько осунутое после шторма, с маленькими глазами и мясистыми щеками, старший офицер стоял на краю мостика, вдыхая полной грудью чудный морской воздух, веющий свежестью океана. Он взглядывал и на небо, и на океан и, видимо, довольный собой и природой, обратился к вахтенному офицеру:

- А ведь чудное утро, Виктор Андреич.

- Прелесть, Павел Никитич! - восторженно воскликнул совсем юный мичман.

- И океан какой... А ведь какую штормягу задал... я вам скажу!

О шторме, который наводил на старшего офицера трепет и заставлял уходить в каюту и там рыдать и молиться, чтобы снова скрывать на людях малодушный страх, старший офицер сказал несколько небрежным тоном

и, самодовольно улыбнувшись, прибавил:

- Небось, Виктор Андреич, сердце ёкало?

- Совсем перетрусил... До стыда трусил, Павел Никитич! - ответил мичман и, считая себя бесконечно виноватым за то, что он такой трус, смутился и покраснел.

- Ничего... Попривыкнете, Виктор Андреич, - покровительственно сказал старший офицер. - И я в первый свой шторм, который испытал, когда был мичманом, вспоминал бога. Однако посмотреть "убирку"... И то проспал сегодня! - прибавил Павел Никитич.

И, словно бы считая неудобным быть при матросах необыкновенно радостным и счастливым, он спустился с мостика с серьезным и озабоченным лицом доки старшего офицера и пошел на свой обычный утренний осмотр клипера.

Когда Павел Никитич спустился, сопровождаемый боцманом, в палубу, боцман нашел, что время было доложить старшему офицеру о беде - и не при матросах, а без свидетелей, когда старший офицер, по мнению Иваныча, кое-что понимающего в психологии, легче "входит в понятие".

IV

- Осмелюсь доложить, ваше благородие!.. - угрюмо начал боцман.

- Осмеливайся... докладывай, Иванов! - с шутливым благоволением сказал старший офицер.

- Команда вроде потерянной из-за этой беды, что стряслась, ваше благородие! - еще подавленное и угрюмое докладывал боцман на ходу.

- Что такое? Какая беда, скотина? - тревожно спросил старший офицер, внезапно остановившись и повернувшись к боцману.

И маленькие, только что веселые глаза сердито забегали и зло смотрели на боцмана, вдруг испортившего превосходное настроение Павла Никитича.

- Дианка пропала, ваше благородие! - промолвил боцман с таким мрачным видом, точно сообщал о необыкновенном несчастье.

- Капитанская собака? Дианка? Куда ей пропасть? - испуганно протянул старший офицер, еще не поверивший, казалось, этому неожиданному и крайне неприятному известию.

Он знал, как любил командир "Красавца", капитан второго ранга Бездолин, Дианку и какое произведет на него впечатление пропажа его единственного и верного друга, как называл Дианку молчаливый и хмурый капитан.

- Весь клипер обшарили с капитанским вестовым Мартышкой, ваше благородие! Нигде нет. Мартышка вовсе взревел от страха... Беда!

- Так где же Дианка? - растерянно спросил Павел Никитич.

Боцман не без снисходительности к бессмысленному вопросу старшего офицера ответил:

- Надо полагать, что за бортом, ваше благородие!..

- Конечно, за бортом, осел!.. Значит, матросы? Этакая возмутительная подлость!.. Ты, боцман, как допустил? Как опозорил своего старшего офицера? Понимаешь ли, что матросы сделали? - резко и отчеканивая слова, говорил Павел Никитич, слегка бледнея.

"Пустой человек. Один форц, и нет настоящего понятия. Только одного себя обожает и о себе понимает!" - подумал боцман.

И, взволнованный огульным обвинением команды, он горячо проговорил:

- Команда непричинна, ваше благородие!

- Врешь!.. Потатчик!

- Дозвольте обсказать, ваше благородие!

- Ну?

- Врать не стану, ваше благородие, что команда не очень уважала капитанскую собаку за ейный подлый характер. Животная, а понимала себя вроде быдто начальницы и кусалась. Докладывал вашему благородию, что многие обижались на собаку... Однако как перед богом говорю... в мыслях даже не было, чтобы сообща взбунтоваться против Дианки и утопить... Все-таки бессловесная животная, а вроде как душегубство. Это разве самый последний матрос выдумает и, не спросясь, утопит животную... Защитите команду, ваше благородие... Явите милость! Обскажите капитану, что команда непричинна.

Горячее предстательство боцмана, казалось, убедило старшего офицера, что матросы не осмелились так нагло нарушить дисциплину.

И, несколько успокоенный, что хмурый ка-

питан не спишет с клипера своего старшего офицера за распущенность матросов, вызвавшую бунт, Павел Никитич уже менее гневно посмотрел на боцмана и спросил:

- Кто этот подлец?

Боцман, только что в пылу гнева обещавший Зябликову указать на него как на виновника, был убежден, что, назови он Зябликова, - и он и команда будут спасены.

Но после мгновенной душевной борьбы он торопливо и решительно ответил:

- Не могу знать, ваше благородие!

И на душе боцмана вдруг стало спокойнее и яснее. Он точно нашел разрешение душевной смуты против правды.

- Должен знать!.. Убеждал, чтобы виновный признался?

- Сказывал, ваше благородие.

- Говорил, что за одного негодя все ответят?

- Говорил, ваше благородие.

- И молчит?

- Молчит.

- Кого подозреваешь?

- Можно и ошибиться, ваше благородие.

- Однако?..

- Греха на душу не приму, ваше благородие...

- Какой тут грех?.. Наверно, Зябликов?

- Пытал. Не оказывает, чтобы он, ваше благородие.

Старший офицер на минуту задумался.

И наконец, подняв на лицо боцмана упорный и злой взгляд, приказал:

- Чтобы к шести склянкам, как капитан проснетса, мне было известно, кто этот подлец. Понял?

- Понял! - с суровым спокойствием ответил боцман.

- Чтобы разыскать мерзавца. Если не сознается, скажи, кого подозреваешь, чтобы я мог доложить капитану... А не то...

И, оборвав речь, старший офицер пошел дальше.

V

- Приказал?! - с выражением презрительной злости прошептал боцман.

И, прибавив несколько особенно унижительных ругательств в женском роде, выскочил из кубрика на палубу.

Он счел долгом позвать унтер-офицеров и нескольких старых матросов, чтобы услышать их мнения насчет того, как поступить. Через несколько минут все собрались на тайное совещание в подшкиперской каюте.

И тогда боцман взволнованно и горячо сказал:

- Ну, братцы! Вовсе дырявая душа у старшего офицера. Вроде как обгаженный заяц. Всю команду продаст, чтобы только ему не попало. Выдай ему к шести склянкам того, на кого подозрение, чтобы старший офицер доложил капитану... Так пусть сам разыскивает, а я, братцы, не согласен лепортовать на Зябликова!.. Пусть и он, подлюга, утопил Дианку, а я не согласен. А там какая ни выйдет и мне и всем люзерюция, хоть бы с меня спустили шкуру и разжаловали из боцманов. Так ли, братцы?

Старый кривоглазый матрос Бычков первый проговорил:

- Это ты правильно, Иваныч! Начхать на старшего офицера, ежели он так подло о нас полагает!.. Не до смерти же будут шлиховать за суку. Небось примем плепорцию... Примем!

Шкура нарастет.

Бычков говорил спокойно и уверенно, точно подбадривал и всех и себя.

Его все поддержали. Раздались голоса:

- Некуда двинуться...

- Мы не кляузники!

- Небось бога помним!

- Обидно из-за такого подлеца Зябликова отвечать, а ничего не поделаешь!

Только два унтер-офицера молчали.

По их лицам было видно, что они недовольны решением боцмана.

Но этика прежних матросов не допускала кляуз по начальству, и оба унтер-офицера не имели смелости сказать, что из-за Зябликова не стоит терпеть и можно бы указать на него.

Рыжий, веснушчатый унтер-офицер наконец предложил сейчас же форменно своротить рожу Зябликова и пристращать, что на берегу его изобьют до полусмерти.

- Тогда повинится! - прибавил рыжий.

Боцман нахмурился и сердито спросил рыжего:

- Это ты куда гнешь? По какой такой совети?

Рыжий заморгал глазами и, точно не понимая вопроса, ответил:

- Я, слава богу, по совести, Иваныч.

- Так не верти лисьим хвостом... Ежели избить сейчас Зябликова, так сразу обозначится, на кого мы указываем... Почтище кляузы придумал... А еще "во совести"!

- Невдомек, значит, Иваныч. Не сообразил, значит! - увильнул унтер-офицер.

- То-то непонятливый! - насмешливо проговорил боцман. - На берегу Зябликова прочим, а пока что, как бог даст, какая будет отчаянная разделка от капитана! Он придумает! - прибавил угрюмо боцман.

Все подавленно молчали. Никто не сомневался, что капитан "вгонит в тоску" за Дианку.

Хотя капитан очень редко наказывал линьками и никогда не дрался, а между тем внушал какой-то почти суеверный страх именно редкостью, но зато и беспощадностью наказаний.

И главное - он словно гипнотизировал матросов своею загадочною молчаливостью и суровою нелюдимостью. Всегда наверху во вре-

мя штормов и непогод, чистый "дьявол", как говорили матросы, спокойный, никогда не испытывавший ни малейшего страха, он в другое время редко выходил наверх из каюты и никому, ни офицерам, ни матросам, не сказал за год ни одного приветливого слова. Только одной Дианке и показывал расположение. Мартышку, как все звали на клипере капитанского вестового, ни разу не ударил. А Мартышка боялся капитана несравненно больше, чем прежнего своего драчуна капитана.

Мартышка испуганно на баке рассказывал:

- И лба не перекрестит. И ничего не боится. И глаза страшные, такие пронзительные и горят. И все читает книжки. И ни разу к обеду офицеров, по положению капитанскому, не звал. И в кают-компанию его никогда не звали. Одним словом, вовсе будто с дьяволом знается! - таинственно прибавлял Мартышка.

- Однако валим, братцы, и к местам! - проговорил боцман, закрывая заседание.

- А я, Иваныч, сейчас попытаю Елисейку... - неожиданно сказал кривоглазый матрос.

- Как?

- А добром, Иваныч.

- Прост ты, Бычков!.. С Елисейкой ни крестом ни пестом... Оглашенный!

- Не говори, Иваныч. Знал такую загвоздку. Был на "Орле" со мной такой же оглашенный. Ругали да били его до точки и вдруг... добром. Он и поворот на другой галц!

- Что ж, попытайся, Бычков... Только зря... Все поднялись наверх.

Боцман стал обходить палубу и, приглядывая за "убиркой", покрикивал:

- Поторапливай, черти! Не копайсь, братцы, такие-сякие.

И, когда замечал очень подавленные лица молодых матросов, тихо прибавлял:

- До срока не входи в тоску... Духом не падай, матросики!.. Чище валяй... Не жалей суконок...

И в грубоватом голосе боцмана звучала подбадряющая, почти ласковая нотка.

Тем временем Бычков "пытал" Зябликова "добром".

- И команда не верит?.. А ты, Бычков, хоть и по-хорошему пытаешь спасибо и за то, - а зря пытаешь! Не топил я Дианки... Знаешь ты,

кто ее потопил?

- А кто?

- По моему понятию, сам капитан и потопил.

- Это как же понять, Зябликов?

- Обмозгуй и поймешь! Не мирволь он подлой суке... при нем бы и осталась. Не было бы и смуты... Капитан, значит, совсем виноватый, что решился своей собаки... И выходит, быдто сам потопил... Смотри за подлой, чтобы не кусала людей... И что еще объясню, Бычков?..

- Что?

- Загадливый у нас капитан... Страшный!.. А может, не такой он окажется страшный. И дойдет, что сам виноват. Тоже и понять надо всякого человека... Вы не понимаете и думаете: большая будет отместка, а я понимаю его и за Дианку не боюсь, хоть и помню, как меня приказал разделать! хвастливо проговорил Зябликов.

Бычков сообщил боцману о неудаче своей попытки и о словах Зябликова и прибавил:

- А ведь Елисейка правду выдумал.

- То-то подлец с понятием... Не держи капи-

тан такой собаки! - сердито сказал боцман. - А Елисейка врет... Это он потопил Дианку!.. - прибавил боцман.

- А бог его знает, Иваныч. Он ли? И хвастает, что не боится капитана за Дианку. Не такой, мол, страшный.

- А ты верь! И прост же ты, Бычков. Вовсе ты прост!

Пробило шесть склянок.

- Пойти к дырявой душе!

И боцман пошел на мостик.

- Разыскал? - спросил старший офицер.

- Никак нет, ваше благородие!

- Так укажи, кого подозреваешь!

- Ни на кого не имею, ваше благородие.

- Так ты Зябликова покрываешь? Вот ты какой боцман. Я тебе покажу! говорил взбешенный старший офицер.

И он наскочил на боцмана и подносил к его темно-красному широкому носу свой маленький белый кулак.

Боцман не спускал своих вытаращенных глаз со старшего офицера.

Тогда он ударил боцмана по лицу и, словно бы вдруг облегченный, крикнул:

- Ступай!..

И, обратившись к вахтенному офицеру, сказал:

- Конечно, это тварь Зябликов! Я так и доложу капитану.

В ту же минуту из капитанской каюты выскочил Мартышка и подбежал к боцману.

- Встает! - сказал вестовой.

- Хватился Дианки?

- Нет... Сей секунд хватится. И что только будет!

И Мартышка во все лопатки полетел на камбуз - сказать коку, чтобы варил кофе.

О том, что капитан встал, стало известно на палубе.

Подавленные и испуганные люди притихли. На палубе воцарилась мертвая тишина.

Никто и не взглянул на стаи белоснежных альбатросов, реющих в прозрачном воздухе.

VI

Дианка, из-за исчезновения которой сто тридцать человек переживали жуткий страх, действительно заслужила при жизни ненависть команды "Красавца".

Это была необыкновенно умная и лукавая

молодая дворняжка, небольшая, гладкая, темно-каштанового цвета, с пушистым хвостом "крендельком" и торчащими ушами, в которой, казалось, были все подлые черты, возможные только в лживой собаке, попавшей случайно в привилегированное высокое положение.

В присутствии капитана Дианка казалась самой порядочной и доброй собакой, и стараясь выказывать капитану горячую преданность, она заглядывала ему в глаза, лизала его руки и была особенно нежна и льстива, когда ей хотелось получить вкусную кость на тарелке. Нечего и говорить, что Дианка была послушна и предупредительна, угадывала желания капитана, не осмеливалась при нем выражать своего неудовольствия и старалась какой-нибудь забавной штукой обратить на себя внимание капитана и заставить его улыбнуться...

С офицерами Дианка была приветлива и даже льстива, когда приходила на мостик полежать на припеке, без капитана, и знала, что вахтенный офицер не особенно доброжелателен к ней. Но стоило показаться капита-

ну, чтобы Дианка стала держать себя независимо и подчас вызывающе. И тогда смелей попадалась под ноги офицеру и даже ворчала, если ее отгоняли.

С матросами Дианка положительно была заносчива и требовательна на почтение от них, особенно когда была в близком соседстве с капитаном или с офицером. Но, если ей случалось оставаться без защиты, она принимала обиженный и предупредительный вид и улепетывала в капитанскую каюту или на мостик, лишь только замечала серьезные намерения какого-нибудь матроса незаметно ткнуть или ударить ее.

Она просто-таки не терпела матросов.

При всяком удобном случае Дианка выказывала недобрые чувства и даже презрение к ним и старалась куснуть матроса помоложе, точно понимая, что такой побоится серьезно огреть капитанскую собаку, и нападала на него с большим коварством и обыкновенно не в присутствии капитана.

С самым подлейше-невинным видом собаки, словно бы почувствовавшей раскаяние и потому виновато и льстиво вилявшей хво-

стом, приближалась она к матросу. И, когда тот доверчиво начинал трепать Дианку, она быстро кусала и удирала на мостик.

С высоты мостика, вблизи вахтенного офицера, она с прежним, словно бы насмешливым, спокойным высокомерием смотрела на обманутого и, казалось, думала:

"Однако этот матрос глупее щенка".

Но необыкновенная изобретательность Дианки шла дальше. Она приняла на себя хлопотливую и, во всяком случае, небезопасную обязанность, которая особенно нравилась ей, удовлетворяя ее злое чувство к матросам.

Как только раздавался окрик боцмана: "Пошел все наверх!" - и матросы торопливо выбежали на палубу, Дианка как бешеная летела вниз и кусала за икры последних, поднимающихся по трапам матросов, причем чувствительнее кусала тех, кто внушал ей большую ненависть.

Как ни лукава была Дианка, налетавшая на матросов из засады и стремительно, ей все-таки приходилось получать торопливые пинки. Они озлобляли собаку и только изощ-

ряли ее хитрость, усиливая кровожадное удовольствие охоты.

Чаще других и ожесточеннее бил Дианку, когда ловил ее на палубе, Зябликов, нередко ходивший с покусанными икрами.

Взаимная ненависть их усиливалась, и они боялись друг друга.

Команда была уверена, что командир не знает о такой коварной охоте за матросами. И от кого мог он узнать об этом? Правда, боцман два раза докладывал старшему офицеру о подлом характере Дианки и о том, что ребята "обижаются" на нее.

Но Павел Никитич только смеялся и говорил:

- Глупости. Со вздором лезешь.

Павел Никитич и большинство офицеров восхищались выдумкой умной собаки, которая подгоняет лодырей, слегка хватая за ноги.

Только доктор Иван Афанасьевич, не особенно друживший с кают-компанией, штурман, недолюбливавший флотских, и один мичман возмутились.

Но никто не решился обратить внимание командира на поведение Дианки. Старший

офицер отказывался докладывать капитану о "вздоре", о том, что собака, играя, носится за матросами, а другие не хотели вмешиваться не в свое дело.

Да капитан и ни с кем не входил в разговоры. Только говорил по службе и был лаконичен.

В офицерах капитан возбуждал неприятное и досадное чувство робости и какого-то невольного страха перед импонирующею властностью неустрашимости и дерзкого хладнокровия. Его одиночество и нелюдимость и суровая молчаливость интриговали и оскорбляли офицеров. Все были недовольны "мрачным капитаном", как часто называли его.

Несмотря на год командования клипером, он оставался неразгаданным и загадочным. Конечно, еще чаще судачили о нем в кают-компаниях и пробирали его главным образом за то, что держит себя отчужденно, и, нарушая морские традиции, не приглашает офицеров по очереди к себе обедать и отказался раз навсегда обедать по воскресеньям в кают-компаниях, да и на берегу тоже всегда

один. А со старшим офицером, своим ближайшим помощником, еще молчаливее и скрытнее и не особенно дает ему самостоятельности. Это случилось как-то само собой, без объяснений с какой бы то ни было стороны. Капитан, казалось, не очень-то ценит Павла Никитича, но не разносит. А Павел Никитич старается еще более и еще более боится капитана. Капитан никого не хвалит и никому не делает резких замечаний. И, будто не доверяя никому, во время шторма или во время плавания в опасных местах не сходит с мостика и простаивает долгие часы подряд, ни с кем не советуясь. Он только приказывает.

Интересной и пикантной темой в кают-компании было самое неожиданное для всех согласие Бездолина на назначение его командиром "Красавца" взамен заболевшего капитана.

А Бездолин недавно вернулся из трехлетнего дальнего плавания, пробыл с семьей только полгода и... снова в дальнее плавание на три года...

Разве было можно морякам не "ошалеть" от удивления, когда жена капитана была, ко-

нечно, обворожительная женщина тридцати лет и было двое детей у них, разумеется, прелестные?

И после долгой разлуки только шесть месяцев остаться с "очаровательной женой" и "прелестными детьми"?

Конечно, явилось предположение о "страшной" семейной драме.

Разумеется, нашелся в лице мичмана Нельмина сплетник не без "выдумки", который, как все сплетники, знал "все... все" про ближних и потому, конечно, месяца через два после ухода из Кронштадта сообщил в кают-компании имя любовника очаровательной жены капитана и...

- Вы понимаете?! - воскликнул с увлечением мичман.

И на основании письма одного товарища, полученного в Гревзенде, письма, в котором сообщались смутные слухи, мичман рассказал с подробностями, именно и обличавшими сплетню, о том, как "безумно влюбленный" в жену Бездолин, истосковавшийся за три года, вдруг узнал, что его, молодого еще мужа, "очаровательная" променяла... на адмирала Три-

лиственного... "Очаровательная" могла хранить верность только год, и затем...

- Вы понимаете? - снова воскликнул мичман, словно бы для того, чтобы слушатели понимали, что он несомненно врет. - Вы понимаете, в какой ужас пришел Бездолин от такой подлости своей Муни. Вы догадываетесь, господа, как поздно прозрел он, что женатый человек, у которого очаровательная жена, рискует, уходя в плавание на три года... И на кого променять? Вы ведь знаете, какой старый, "цинготный" адмирал? Ну, Бездолин сурово сказал Муне, что она... вроде как дама из Амстердама... Он все-таки безгранично ее любил, но "прощайте отныне навсегда... О Муня! Наслаждайтесь жизнью со старым козлом"... И немедленно мундир и к министру... Вот откуда это назначение командиром "Красавца"...

- И врешь же ты как сивый мерин!.. Ведь жена провожала мужа в день ухода... И капитан каждый вечер уезжал с клипера в Петербург... И адмирал Трилистный родной дядя Марьи Николаевны!.. Неправдоподобно соврал! - вдруг проговорил товарищ Нельмина.

Мичман на минуту смешался, и глаза его забегали.

Но вдруг в отваге отчаяния выпалил:

- Ну так что ж?.. Ну, приезжала... Может быть, апарансы...* И могла приехать, чтобы просить прощения...

* Для видимости (от франц. - en apparence). - П р и м. р е д.

- А Трилистный?..

- Ну так что ж?.. Может, другой адмирал... И что пристаешь, Иван Иванович... Разве я выдумал?.. Я передаю со слов Жиркова... Он писал... Он, значит, и переврал... Очень может быть, что переврал... Я очень рад, если несправедливо врут на Марью Николаевну... Прелестная женщина... Но я все-таки не ушел бы от нее на три года! - добродушно и весело прибавил Нельмин.

Однако многие поверили, что что-нибудь да есть и пахнет семейной драмой.

Но нашлись офицеры, которые, напротив, утверждали, что семейное счастье капитана не омрачено. Они любят друг друга, и Марья Николаевна благородная женщина... Про нее

ничего не говорят... Но министр приказал: "Или отправляйтесь... или оставляйте службу!" Поневоле пойдешь...

Более честолюбивые прибавляли, что капитан - страшный честолюбец и, обуянный гордыней, чуждается всех, потому что считает себя выше других...

Так вопрос о "семейной драме" и остался открытым.

И в это чудное утро в кают-компании нетерпеливо ожидали приговора мрачного капитана над командой за Дианку и невыдачу виновного.

Кто же, как не Зябликов? Кто не знает этого арестанта?

VII

Приближалось время подъема флага. Восьмая склянка была в начале. Уборка кончена, и переодетые в чистые рубахи матросы собрались на палубе.

Никакого решения еще не было, и команда волновалась сильнее.

Капитан еще не показывался наверх, старшего офицера не призывал и даже не спросил вестового, где Дианка.

Молодой вестовой давался диву, и молчание капитана наводило больший страх. Подавая ему кофе, Мартын взглянул на лицо капитана, и ему казалось, что он мрачнее и суровее, чем обыкновенно.

Стараясь скрыть чувство тревоги и испуга, старший офицер нервно шагал по мостику и то и дело взглядывал на люк капитанской каюты. Он мысленно обещал примерно наказать боцмана. "Какая скотина! Не мог добиться сознания от Зябликова и даже не указал на него... Подлецы! С ними надо быть строже!" - думал он о матросах, негодуя, что ему не придется успокоить капитана докладом о "мерзавце", который сознался... По крайней мере, старший офицер отличился бы в глазах мрачного капитана.

И почему этому арестанту не сознаться! Что выиграет, запираясь?

- Немедленно послать ко мне в каюту Зябликова! - приказал Павел Никитич, внезапно осененный какою-то мыслью, и, быстро спустившись с мостика, ушел в каюту.

Через минуту Зябликов вошел в каюту старшего офицера.

- Слушай, Зябликов... Ты, конечно, утопил Дианку... Не сознаешься, а я все-таки велю отпороть тебя как сидорову козу сегодня и, как отлежишься, снова буду пороть, пока не сознаешься. И, кроме того, матросы на берегу тебя избьют до смерти, хоть боцман и прикрывает тебя... Не говорит, что подозревает тебя... А я-то уверен. Слышишь: у-ве-рен!

Старший офицер говорил тихим, даже ласковым и несколько взволнованным голосом.

- Я не топил Дианки, ваше благородие! - ответил Зябликов, взглядывая на Павла Никитича.

В его умных, наглых глазах было что-то пронизательное и фамильярное, дающее понять, что он, отверженец, нужен старшему офицеру и пойдет на соглашение.

- Не ври, Зябликов. Сознайся лучше. Буду ходатайствовать, чтобы больше ста ударов не получил. И наказывать будут легче! - еще мягче убеждал Павел Никитич. - А откровенное сознание покажет мне, что ты можешь исправиться. И, чтобы поощрить, дам от себя награду. На гулянку на берегу получишь два доллара! - прибавил старший офицер.

И, несколько смущенный, вдруг почувствовавший, что делает что-то очень подлое, Павел Никитич отвел глаза от упорного и наглого взгляда.

Зябликов быстро решил, что сделка выгодная.

Едва заметная ироническая усмешка мелькнула в его глазах, когда он ответил:

- Что ж запирайтесь перед вами, ваше благородие. Вы наскрозь изволите видеть человека, ваше благородие. Я Дианку утопил.

- Давно бы пора. Совесть-то в тебе еще есть. Ступай! - сказал старший офицер, обрадованный, что тяжесть с его души упала и он может забыть свою подлость и снова быть довольным собою.

Через минуту на клипере было известно, что Зябликов сознался.

Матросы почувствовали облегчение. Страх прошел. Люди, собиравшиеся избить Зябликова до полусмерти, теперь пожалели его и хвалили за то, что поступил правильно.

Бычков подошел к отверженцу и ласково сказал:

- Молодца, Елисейка. Утопил Дианку и от-

дуешься. Не подвел нас.

- Я не топил подлой суки!

Бычков вытаращил глаза.

- Так зачем винился?

- А ты думал, вас, дураков, пожалел? - с наглым цинизмом откровенности возбужденно проговорил Зябликов.

И после паузы продолжал:

- По правде объясняй, что не топил собаки - шкуру сдерут, старший офицер обещал, - а наври на себя, так отпорят с рассудком... И вы, правильные анафемы, оставите меня в покое за Дианку, а то бы избили.

- Проучили бы... это верно, Елисейка... А ты не обижайся... Очень обозверели ребята...

- Подлец Елисейка, мол, во всем виноватый?! Взяли бы греха за напрасный бой. Виноватый в Дианке, может, потом пьяным проговорится, а я с переломанными ребрами. Глупые вы матросы, вот что! И старший офицер тогда поймет, как он скрозь понимает человека... Сволочь! - озлобленно прибавил Зябликов.

- То-то дырявая душа! - подтвердил Бычков.

- Я, скажем, последний матрос... подлец, но

только на такую подлость не пойду... А он... во всем парате благородный?.. Довольно обозначил... Понял. Приму сто линьков безвинно, а как придем в Франциски, сбегу... Ну вас, оборотов! Живите по глупости, как свиньи, а я по своему уму не согласен. Найду линию. Сам себе господином буду... Никто не посмеет на твою личность... Можешь ты это понять, Бычков? Не понять вам, необразованной матрозне!..

Действительно, Бычков недоумевал и только хлопал глазами.

И наконец добродушно промолвил:

- Здоров ты хвастать, Елисейка. Вовсе ты не матросского звания человек...

VIII

Капитан, небольшого роста брюнет, лет под сорок, с красивым, энергичным и суровым лицом, обрамленным заседевшими бакенбардами, с рано поседевшими волосами, сухощавый и крепкий, хмурый и задумчивый, ходил взад и вперед по каюте, когда старший офицер вошел в каюту.

- С добрым утром, Алексей Алексеич, - осторожно и серьезно-печально промолвил стар-

ший офицер.

Капитан остановился.

- Здравствуйте, Павел Никитич, - официально суховатым тоном сказал Бездолин, протягивая небольшую, длинную и худую руку с обручальным кольцом.

Густые его брови нахмурились, и у переносицы собрались морщины. Черные глаза, серьезные и пронизывающие, вопросительно смотрели на старшего офицера.

Этот взгляд всегда беспокоил и смущал Павла Никитича, в это утро особенно.

Он, невольно краснея и торопясь, проговорил:

- Мне неприятно, что приходится доложить вам, Алексей Алексеич, о неожиданном происшествии... Ваша Дианка пропала.

Капитан молчал.

Старший офицер еще торопливее продолжал:

- Команда не виновна в этом подлом поступке, противном дисциплине. Команда не знала о нем и негодует на виноватого, который долгое время не признавался... Боцман отказался указать мне на подозреваемого чело-

века, и я взыщу с него. По счастью, мне удалось убедить виноватого сознаться. Это, как я и не сомневался, Зябликов...

Капитан не проронил ни слова.

Он стал еще суровее и, казалось, невозмутимее. Только в глазах его было выражение какой-то брезгливости.

Павел Никитич, совсем изумленный, оробевший, но старавшийся не показать страха, проговорил не без некоторой развязности:

- Я прикажу наказать Зябликова, Алексей Алексеич. Мне кажется, такой поступок заслуживает строгого наказания...

Прошла минута.

Наконец капитан строго сказал:

- Не наказывайте.

- Есть! - проговорил старший офицер и вышел растерянный.

Капитан брезгливо поморщился.

- Мартын!

Явился вестовой. Он был встревожен.

- А ты чего боишься? - вдруг угрюмо спросил капитан.

- Не могу знать, вашескородие.

- И боишься?

- Точно так, вашескородие!

- Зверь я, что ли? - крикнул он.

В этом крике звучала тоскливая нотка.

Мартын подавленно молчал.

- Позови Зябликова!

- Есть!

Тот явился и вытянулся у дверей. Страх у него лица не было.

Капитан облегченно вздохнул.

- Зачем наврал на себя?

Зябликов сказал - почему. Объяснил, как боится команда из-за Дианки. Доложил, что Дианка кусала матросов и особенно его.

Капитан слушал, опять хмурился, снова на лице и в глазах залегло что-то угрюмое, тоскливое и виноватое.

- Ступай и пошли боцмана! Тебя не накажут.

- Есть, вашескородие!

Торжествующий и особенно наглый, нарочно прошел Зябликов мимо старшего офицера и направился к боцману на бак.

- Небось капитан скрозь видит невинного человека. Не считает, как вы, справедливые, меня за последнего подлеца... К капитану,

Иваныч, зовет сей секунд!.. Не заболей животом, как медведь, смотри! - вдогонку крикнул Зябликов и захихикал.

Матросы снова уже не жалели "последнего матроса" и сторонились его.

IX

- Здравствуй, Иванов!

- Здравия желаю, вашескородие!

- Отчего не докладывал старшему офицеру, что Дианка кусала?

- Докладывал, вашескородие.

- И что?

- Отказали.

- А мне?

- Не осмелился, вашескородие.

- Почему? Говори все!

- Не допускали до себя, вашескородие. И как бы не изволили обидеться за собаку, - деликатно сказал боцман.

- То есть... накажу не собаку, а матросов?

- Опасался, вашескородие! - застенчиво промолвил боцман.

Личной нерв подергивал глаз и щеку капитана.

Но он, по-видимому, бесстрастно спросил:

- И когда Дианка пропала, ты и команда боялись, что я беспощадно жестоко накажу, если виновный не объявится?

- Точно так, вашескородие. Очень заскучали матросики, чтобы вашескородие не признали вроде бунта против Дианки... И я пытал: кто подлый человек, что утопил животную. И старший офицер изволили приказать: к шести склянкам найти виноватого или указать на того, кого подозреваю. Но я - извольте меня наказать - ослушался...

Капитан знал, что не любим, но быть в глазах людей, и без того обездоленных, зверем?

"За что?"

В эту минуту ужаса и тоски, охвативших душу, ему хотелось бы крикнуть, что это неправда, что он не такой...

Он справедлив. Он не наказывает линьками...

Только два раза беспощадно наказал за воровство, считая это необходимым, но отвратительным средством.

Он не бьет, не беспокоит бессмысленной муштрой, не морит работами, бережет людей... Он все делает, что требуют долг и со-

весть. Правда, он не ищет у матросов расположения, не подделывается к ним, не говорит им шутливо-ласковых слов. Он знает, как это просто и легко... Но ему стыдно заигрывать с людьми, жизнь которых так жалка, бесправна и опасна, и какая пропасть служебного неравенства с ним... Иди будь капитаном, как он, или выходи в отставку, а начальников, которые порют и шутят, обкрадывают и зовут молодцами, дрессируют, чтобы отличиться, и бьют, и калечат с легким сердцем, и говорят, что любят матросика, - таких еще часто называют добрыми... Но он не может быть таким "добрым".

Он вызывает только страх!..

О, если бы они знали! Он, суровый и нелюдимый, одинокий и мрачный, и по характеру, и по разладу между правдою и ложью жизни, по ранам горячего сердца, хоть и чужой, но не враг, а друг...

Разумеется, капитан ни слова не сказал из того, о чем думал. Не подумал и признаться, что только вчера случайно узнал, что любимая им собака кусает людей и ненавистна им, и...

И разве поймет боцман Иванов?..

"Он прав: я не допускал до себя!" - подумал капитан и обычным суровым тоном сказал боцману:

- Не разыскивай. Я утопил Дианку!

Боцман вытаращил глаза.

- Ступай!

Х

По обыкновению суровый и молчаливый, стоял на мостике капитан и оглядывал палубу.

Все блестело и сияло.

Вышедшие к подъему флага офицеры и рассыпавшиеся по палубе матросы с изумлением взглядывали на капитана.

- На флаг! Флаг поднять!

Все обнажили головы.

Взвился флаг на гафеле, и начались обычные утренние рапорты.

Первым докладывал о благополучии на клипере старший офицер, и его белые пальцы, приложенные к козырьку фуражки, чуть-чуть вздрагивали.

Когда он отрапортовал, капитан громко проговорил:

- Напрасно открыли виновника. Я выбросил за борт Дианку...

И прибавил:

- Оказалась такой же подлой, лживой собакой, какими бывают и люди...

Выслушав все рапорты от начальников частей, капитан ушел в каюту.

А на баке шли оживленные разговоры, и матросы радостно недоумевали.

И в это чудное утро загадочность капитана, казалось, начинала проясняться.

1901